

МИФ О ДОН КИХОТЕ В ТВОРЧЕСТВЕ СИМВОЛИСТОВ (Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Ф. СОЛОГУБ)

Л. Я. Бобрицких, Д. В. Горева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 марта 2015 г.

Аннотация: предметом рассмотрения в статье является миф о Дон Кихоте в творчестве Д. С. Мережковского и Ф. Сологуба. В произведениях этих авторов содержатся наиболее интересные интерпретации образа «странствующего рыцаря», корреспондирующие с идеей мифотворчества – ключевой в эстетической системе символизма.

Ключевые слова: миф, образ, символизм, эстетический идеал, Дон Кихот, Д. Мережковский, Ф. Сологуб.

Abstract: the subject of this article is the myth about Don Quixote in the works of D.S. Merezhkovsky and F. Sologub. The works of these authors contain some of the most interesting interpretations of the image of «a knight-errant», that correspond with the idea of mythopoeia, the key idea in the aesthetic system of symbolism.

Key words: myth, image, symbolism, aesthetic ideal, Don Quixote, D. Merezhkovsky, F. Sologub.

Одно из величайших произведений средневековой литературы, ставшее достоянием мировой культуры, – роман М. Сервантеса «Дон Кихот», который в 2002 году был назван «книгой всех времен и народов». За долгую историю к нему не раз обращались художники, музыканты, философы, писатели, критики. Причину такого необычайного, не утихающего на протяжении четырех веков интереса к произведению, задуманному как пародия на рыцарские романы, на наш взгляд, лучше всех объяснил Д. С. Мережковский: «Есть идеи, образы, великие для этой эпохи, когда они родились, но мало-помалу теряющие свою жизненность, подверженные дряхлости и умиранию; они засыпаются наслоениями последующих цивилизаций и исчезают в них, как развалины древних городов в недрах земли. Есть другие образы, жизнь которых связана с жизнью всего человечества; они поднимаются и растут вместе с ним – это не мертвые развалины, а вечно живые деревья, которые растут вместе с уровнем земли. Прометей, Дон Жуан, Фауст, Гамлет – образы эти сделались частью человеческого духа, с ним они живут и умрут только с ним. Дон-Кихот принадлежит к таким спутникам человечества. Исчерпать его содержание невозможно, потому что он еще не закончен, он еще развивается вместе с нами, и уловить его нельзя, как собственную тень» [1, 395].

Тема «донкихотства» была изначально важна для русского самосознания (Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский и др.). Одним из самых ярких примеров служит творчество И. С. Тургенева. В своей знаменитой речи

«Гамлет и Дон Кихот» писатель стремится дать возможно более полную характеристику образа. Тургенев отмечает комические черты Дон Кихота, но за ними он «явственно видит ... величие души рыцаря Печального Образа, благородство его стремлений, его мужество и бескорыстие» [2, 191].

Роман Сервантеса и его герой оказались востребованными и искусством Серебряного века, особенно одним из его литературных течений – символизмом. Идеализм Дон Кихота, его погруженность в иллюзии и неприятие реальности импонировало мировосприятию и эстетическим принципам символистов, провозгласивших идею житнетворчества: они конструировали модель инобытия в соответствии со своими представлениями об идеале. Именно так поступает и герой Сервантеса: он преображает все вокруг в соответствии с идеалом, почерпнутым из рыцарских романов. Мир погряз во зле и несправедливости, и герой вынужден делать свой выбор – принять все как есть или «противопоставить действительности истину своего мироутверждения» [3, 834].

Одна из наиболее интересных интерпретаций образа Дон Кихота принадлежит Д. С. Мережковскому, эстетические воззрения которого, как справедливо заметил С. Н. Поварцов, «базируются на глубочайшем уважении к классическому искусству» [4, 339]. Поэту принадлежит ряд работ, посвященных гениям мировой литературы, таким как Гете, Флобер, Достоевский, под общим названием «Вечные спутники». В этот цикл входит и статья о Сервантесе, в которой Мережковский дает свое толкование романа «Дон Кихот», а одноименное стихотворение, по сути, является иллюстрацией, поэтическим во-

площением основных теоретических постулатов данной статьи.

Первые строфы стихотворения – своеобразная экспозиция, в которой представлены основные герои романа – Дон Кихот, Дульцинея, Санчо Панса. Обратимся к портрету Дон Кихота:

*Шлем – надтреснутое блюдо,
Щит – картонный, панцирь жалкий...
В стремнах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки. [5, 568]*

Герой Мережковского хром и жалок в своем стремлении походить на настоящего рыцаря, что подчеркивают эпитет «хромая кляча», сравнение «ноги тощие, как палки». Нужно отметить, что здесь поэт следует за Сервантесом, который постоянно заостряет внимание читателей на особенностях «неказистой наружности» своего героя: «худое и запыленное ... лицо» [6, 33], «длинные ... и худые волосатые ноги... далеко не первой чистоты» [6, 36]. В первых же главах Сервантес обозначает суть недуга, овладевшего душой его героя, побуждающего проявлять все те странности и чудачества, которые и составляют сюжет романа: «...мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок» [6, 26]. Эта «болезнь» (как называет ее Сервантес) и заставляет Дон Кихота видеть в мельницах злых великанов, в медном тазе – волшебный шлем.

Субъективное восприятие реальности, ее преобразование присуще и герою Мережковского: «Для него хромая кляча – Конь могучий Росинанта, Эти мельничные крылья – Руки мощного гиганта» [5, 568]. Однако в этих строках уже утрачивается иронический подтекст. Мережковский подчеркивает, что стремление героя изменить окружающий мир, домыслить его в своем воображении достойно уважения. В отличие от Сервантеса, он не видит в заблуждении Дон Кихота «болезни». Объяснение этому можно найти в эстетике символистов, разработанной в том числе и самим Мережковским. Идея мифотворчества, преобразования реальности посредством искусства становится одной из ключевых идей в культуре Серебряного века. С. Кульюс, комментируя поэтическое произведение Мережковского, пишет: «Стихотворение “Дон Кихот” – свидетельство зарождения уже в раннем символизме мифа о Дон Кихоте, творящем из “тусклого” жизненного материала иную, “высшую” действительность и преобразующем жизнь воображением и красотой» [7, 92].

Дон Кихот преобразует и своего верного оруженосца – Санчо Пансу, тогда как у Сервантеса читаем: «...это был человек добропорядочный (если только подобное определение применимо к людям, которые не могут похвастаться порядочным количеством всякого добра), однако же мозги у него были сильно набекрень» [6, 62–63]. В романе герой предстает трусоватым, хитрым и крайне прагматичным. В стихотворении Мережковского появляются иные акценты:

*Санчо Панца едет рядом;
Гордый вид его серьезен:
Как прилично копыеносцу,
Он величествен и грозен. [5, 568]*

«Величественным и грозным копыеносцем» Санчо Панса предстает лишь в воображении своего господина, что подчеркивается авторской иронией.

Центральная часть стихотворения – встреча Дон Кихота с сельскими жителями. Необычная роль проповедника, идеолога, столь не свойственная Дон Кихоту Сервантеса, довольно органична для героя Мережковского. В своей статье он подчеркивает губительное влияние мертвой схоластики на духовное развитие Дон Кихота. Вспомним, что и Сервантес причиной помешательства своего героя называет именно книги: «Одним словом, идальго наш с головой ушел в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого, что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок» [6, 26]. Сухие теоретические рассуждения, книжные истины заменили Дон Кихоту реальную жизнь. Отважный рыцарь, защитник слабых и обиженных, герой Сервантеса, сражающийся с ветряными мельницами, превращается у Мережковского в человека, пытающегося побороть зло восторженными и пылкими речами:

*Люди добрые, ликуйте, –
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...
Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть... [5, 568]*

«Все мирозерцание Дон-Кихота сводится к наивному средневековому идеализму» [1, 398–399], – отмечает в своей статье Мережковский. Этим и объясняется характер речи героя, ее приподнятость, торжественность стиля, для которого характерны слова высокой лексики («гимн победный», «угнетенный народ» и др.). Подобным красноречием обладает и Дон Кихот Сервантеса. Такую манеру изложения перенял он из рыцарских романов: «...блестящий ... слог и замысловатость ... выражений казались ему верхом совершенства...» [6, 26].

Речь героя не более чем набор красивых фраз, не подкрепленных реальными действиями. Именно поэтому она не производит на окружающих должного впечатления. Обратим внимание на то, кто является слушателями Дон Кихота:

*Страстно, с юношеским жаром,
Он в толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных... [5, 568]*

Слова героя смешны, поскольку адресованы «крестьянам голодным», которые не в силах понять высоких идеалов Дон Кихота, призывающего бороться за равенство, в то время как рыцарь не

может постичь их насущных нужд. Подобные ситуации нередко описываются и у Сервантеса. На своем пути Дон Кихот не единожды встречал простолудинов, но попытки заговорить с ними были неудачными: «Для поселян это было все равно, как если бы с ними говорили на языке греческом или же тарабарском...» [8, 136]. Оторванность героя от обыденной жизни очевидна, и в этом заключается трагичность его образа.

Значительная часть произведения Мережковского – галерея портретов сельских обывателей: от пастора до крестьянских детей. И если у Сервантеса столкновения Дон Кихота с людьми носят случайный характер (как правило, это кратковременные встречи на дороге), то у Мережковского именно во взаимодействии с окружающими раскрывается сущность героя. Перед нами проходят представители духовенства («почтенный патер»), мещанства (цирюльник), торгового сословия (лавочник, трактирщик). Несмотря на их принадлежность к разным социальным пластам, у всех слова рыцаря вызывают одно и то же: непонимание, изумление и смех. Даже дети неспособны понять устремлений Дон Кихота: «И хохочут, и кидают Грязью в рыцаря мальчишки» [5, 569].

Но все эти «здравомыслящие люди», несмотря на их очевидную правоту, не вызывают симпатий, так же как и комически-жалкая фигура Дон Кихота в первых строках стихотворения. «Дон-Кихот и Санчо-Панса – чудаки, безумцы, бесполезные мечтатели, – но разумнее ли их те, кто смеется над ними?» [1, 407] – вопрошает Мережковский, тем самым ставя под сомнение превосходство окружающих над чудаковатым рыцарем.

Обратимся к заключительным строкам стихотворения, в которых поэт «реабилитирует» своего героя:

*Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его – так светел,
Очи – полны вдохновенья.
Он смешон; но сколько детской
Доброты в улыбке нежной,
И в лице худом и бледном
Столько веры безмятежной. [5, 569]*

Облик рыцаря обретает здесь черты святости, что подчеркивают такие эпитеты, как «кроткий лик», «детская доброта», «улыбка нежная» и др.

Дон Кихот Мережковского оказывается тесно связан с ведущими в культуре Серебряного века темами Бога, искусства, творчества. Идеи богоизбранности поэта, спасительной силы искусства, божественной силы творческого процесса, столь популярные в эпоху порубежья, были, без сомнения, близки Мережковскому. Как отмечает С. Н. Поварцов, «анализируя роман Сервантеса ... Мережковский исходит из своей излюбленной концепции бессознательного (или органического) характера творче-

ского процесса» [4, 335].

Наивная вера Дон Кихота в любовь и справедливость, осмеиваемая писателем в первой части стихотворения, в заключительных строках возводится в некий идеал. Дон Кихот оказывается в одном ряду с пророками и поэтами, которым в философской системе символистов отводилась роль спасителей мира через искусство: «И любовь, и вера святы, Этой верою согреты Все великие безумцы, Все пророки и поэты» [5, 569]. Поэт в изображении Мережковского близок пушкинскому пророку: это просветитель, проповедник, провозглашающий такие непреходящие ценности, как гуманизм, милосердие, добро.

Как видим, в стихотворении Мережковского образ Дон Кихота предстает во всей своей многогранности. С одной стороны, автор отмечает внешний комизм и нелепость героя, а с другой – безумную, слепую веру в утопические идеалы. Подобное сочетание иронии и восхищения характеризует отношение Мережковского к своему герою, отражая извечную трагедию поэта в мире обывателей, его отчужденность от них и одиночество.

Образ Дон Кихота-поэта появляется и в стихах Федора Сологуба. Об особом отношении писателя ко всемирно известному роману свидетельствуют воспоминания его жены А. Чеботаревской. В своих дневниках она отмечает, что поэт «читал много и разно. Из первых прочитанных книг совершенно исключительное впечатление произвели «Робинзон», «Король Лир» и «Дон-Кихот». Не только они были прочитаны множество раз, но буквально изучены, строка за строкою... Можно сказать без преувеличения, что эти три книги были для Сологуба своего рода Евангелием» [9, 487]. Оценивая роман Сервантеса так же высоко, как и Мережковский, Сологуб, однако, совершенно иначе трактует образ главного героя.

В поэзии Сологуба можно выделить целый ряд стихотворений, посвященных героям Сервантеса, что позволяет исследователям говорить о мифе Дон Кихота в его творчестве. В частности, Л. А. Колобаева пишет: «Среди мифов литературных на первом месте – по значимости, по числу обращений поэта к нему, по богатству образного варьирования – стоит образ-миф Дон Кихота. Сологубовские стихотворения о Дон Кихоте (их около десяти), собранные вместе, могли бы составить целый цикл, и весьма оригинальный» [10, 112].

В произведениях Сологуба мир изначально враждебен человеку, поэтому и жизненный путь героя представляется как «славный круг насмешек, заблуждений, Злых обманов, скорбных неудач, Превращений, битв и поражений» [11, 465].

Дон Кихоту Сологуба в постоянной борьбе приходится отстаивать свое право на существование. С точки зрения поэта, жизнь человека в мире бесцельна и трагична, его попытки сохранить свою

индивидуальность обречены, поскольку мир полон зла и несправедливости и в нем нет места благодетельству и любви. Часто исследователи творчества Сологуба объясняют подобное мировосприятие влиянием пессимистической философии Шопенгауэра, который утверждал, что «жизнь с ее ежечасными, ежедневными, еженедельными и ежегодными, маленькими, большими невзгодами, с ее обманутыми надеждами, с ее неудачами и разочарованиями – эта жизнь носит на себе такой явный отпечаток неминуемого страдания, что трудно понять, как можно этого не видеть, как можно поверить, будто жизнь существует для того, чтобы с благодарностью наслаждаться ею, как можно поверить, будто человек существует для того, чтобы быть счастливым» [12, 64]. Как же жить человеку в мире, где он изначально обречен на боль и страдание? Все, что остается герою Сологуба, – встречать врага лицом к лицу: «Дон-Кихот путей не выбирает, Росинант дорогу сам найдет. Доблестного враг везде встречает, С ним везде сразится Дон-Кихот» [11, 465].

Единственное, что помогает герою выстоять в поединке с грубостью и пошлостью окружающего мира, – это любовь. Именно она обладает той живительной силой, что способна преобразить все вокруг. Не случайно поэт ставит Дон Кихота и Дульцинею в один ряд с классическими образами влюбленных: Орфеем и Эвридикой, Амуром и Психеей («Любви неодолима сила...»). Дон Кихот превращается в символ истинно духовной любви:

*Бессмертно любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звездам сердце вознесет,
Кто до могилы пламенеет, –
Здесь на Земле любить умеет
Один безумец Дон– Кихот. [11, 432]*

Дульцинея, олицетворяющая все самое светлое и прекрасное, – порождение фантазии Дон Кихота. Но вера художника в истинность своего творения настолько сильна, что мечта становится для него столь же реальной, сколь и окружающий мир. С одной стороны, это характерно для символистов. Будучи идеалистами, они отстаивают идею двоемрия – сосуществования мира вещей и идей. С этой точки зрения Дон Кихот действует согласно символистской логике: он претворяет свой идеал в жизнь, персонифицирует его, превращает в реальность. Однако нельзя не вспомнить утверждение Шопенгауэра, что мир есть представление: «...нет истины более несомненной, более независимой от всех других, менее нуждающихся в доказательстве, чем та, что все существующее для познания, то есть весь этот мир, является только объектом по отношению к субъекту, созерцанием для созерцающего, короче говоря, представлением» [13, 18]. Шопенгауэр, по сути, утверждает наличие только субъективного

представления о мире, тогда как Сологуб признает и объективный мир, но для него он вторичен.

Однако идеал, существующий лишь в сознании художника, часто не выдерживает испытания реальностью. Эта мысль свойственна Сологубу с его пессимистическим мировосприятием. Материальная, земная сила побеждает, разрушая хрупкий поэтический идеал, в связи с чем возникает мотив смерти Дульцинеи.

Обращение к теме смерти характерно для поэзии символистов в целом и для художественных исканий Сологуба в частности. Как писал Н. П. Утехин, «Сологуб действительно заплатил в своем творчестве немалую дань поэтизации смерти, этой обольстительной и исцеляющей от всех невзгод «белой сестре» «дебелой и румяной бабищи жизни» [14, 12]. Кроме того, в период написания большинства стихотворений о Дон Кихоте умирает жена поэта, что, несомненно, повлияло на его мировосприятие. В более ранних произведениях, относящихся к 1908–1920 гг. («Широк простор, и долог путь...», «Дон-Кихот», «Порой томится Дульцинея...», «Кругом насмешливые лица...»), мотив смерти отсутствует, тогда как в текстах 1921–1922 гг. («Дон-Кихот путей не выбирает...», «Слушай горькие укоры...») он звучит неоднократно, например: «И, оплаканная горько нами, Госпожа вкусила вечный сон, И сейчас над этими цветами Будет гроб ее перенесен» [11, 465].

Крах иллюзий, развенчание мечты (смерть Дульцинеи) порождает в стихах Сологуба образ побежденного, сломленного тяготами жизни Дон Кихота: «И пойдет за гробом бывший рыцарь, Что ему глумленье и хула! Дульцинея, светлая царица Радостного рая, умерла!» [11, 465].

Заметим, что к презрению и насмешкам окружающих, неудачам и потерям Дон Кихот равнодушен, пока жива Дульцинея, пока жива вера в прекрасное: «Кругом насмешливые лица, – Сражен безумный Дон-Кихот. Но знайте все, что есть светлица, Где Дон-Кихота дама ждет» [11, 438].

Смерть возлюбленной наносит герою окончательное поражение, лишает его опоры и жизненной цели. Дон Кихота охватывает безысходное отчаяние: «Все такое ж, как и прежде, Только ты уже не тот. В сердце места нет надежде, Побежденный Дон-Кихот» [11, 462].

Таким образом, жизненный путь Дон Кихота Сологуба – череда поражений, повлекших за собой утрату идеала. Отсюда взгляд поэта на земную жизнь человека как на цепь потерь и страданий. Только совершив переход через смерть в инобытие, можно обрести покой и счастье, только там Дон Кихот сможет соединиться со своей Дульциней:

*Найдя, утратить Дульцинею, –
Такой твой горестный удел,
Но там, соединившись с Нею,
Ты станешь радостен и цел. [15, 115]*

Таким образом, путь Дон Кихота, по Сологубу, – это своего рода метафора жизни человека, его духовные поиски, попытки воплотить свои мечты, обрести счастье, которые в конечном итоге оборачиваются болью и страданием. Дон Кихот – фигура, безусловно, трагическая, это последний романтик, идеалист, до конца преданный своей мечте. Но прекрасная Дульцинея обречена в мире, в котором такие понятия, как Красота, Любовь, Духовность, утратили свою ценность, обратившись в пустые слова.

Итак, как показал анализ, в понимании символистов Дон Кихот – творческая личность, поэт, остро переживающий трагическое несоответствие своего эстетического идеала реальности. Конфликт героя-поэта с действительностью становится основным в произведениях Мережковского и Сологуба. Поэт-пророк, носитель божественного начала, – таким видит своего героя Мережковский. Его Дон Кихот велик и смешон одновременно: он верит в торжество добра и любви, не замечая, как далек от его идеала окружающий мир. Поэт-теург Сологуба более активен, он творит собственную субъективную реальность, в которую верит больше, чем в объективно существующую. Но, так или иначе, именно вера в Красоту, Добро, Любовь (к Дульцине у Сологуба и людям вообще у Мережковского), по мнению символистов, помогает человеку обрести духовную целостность и гармонию, спасающую от внешнего враждебного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – М.: Республика, 1995. – 624 с.
2. Любимова Е.Н. Сервантес и Тургенев / Е. Н. Любимова // Сервантес и всемирная литература / [под ред. Н. И. Балашова, А. Д. Михайлова, И. А. Тертерян]. – М.: Наука, 1969. – С. 191-196.

*Воронежский государственный университет
Бобрицких Л.Я., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы
E-mail: kafruslit@gmail.com*

*Горева Д.В., кандидат филологических наук
E-mail: sapina@mail.ru*

3. Иванов Вяч. И. Кризис индивидуализма / Вяч. И. Иванов // Собр. соч. : в 4 т. / Вяч. И. Иванов. – Брюссель, 1971. – Т. 1. – С. 831-840.

4. Поварцов С. Н. Возвращение Мережковского / С. Н. Поварцов // Мережковский Д. С. Акрополь : избранные литературно-критические статьи. – М.: Кн. палата, 1991. – С. 332-350.

5. Мережковский Д. С. Собр. соч. : в 4 т. / Д. С. Мережковский. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – 672 с.

6. Сервантес Сааведра де М. Дон Кихот Ламанчский : в 2 ч. / М. де Сааведра Сервантес. – Л.: Лениздат, 1978. – Ч. 1. – 512 с.

7. Кульбюс С. Комментарии / С. Кульбюс // Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н. Стихотворения. – Таллин : Александра, 1992. – С. 91-95.

8. Сервантес Сааведра де М. Дон Кихот Ламанчский : в 2 ч. / М. де Сааведра Сервантес. – Л.: Лениздат, 1978. – Ч. 2. – 544 с.

9. Чеботаревская А. Федор Сологуб. Биографическая справка / А. Чеботаревская // Сологуб Ф. Мелкий бес. Стихотворения. Рассказы. Сказочки. – М.: Олимп – АСТ, 1999. – С. 486-490.

10. Колобаева Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 296 с.

11. Сологуб Ф. Стихотворения / [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман] / Ф. Сологуб. – СПб.: Академический проект, 2000. – 680 с.

12. Шопенгауэр А. Избранные произведения / А. Шопенгауэр. – М.: Просвещение, 1993. – 479 с.

13. Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 5 т. / А. Шопенгауэр. – М.: Московский клуб, 1992. – Т. 1. – 394 с.

14. Утехин Н. П. Альдонса и Дульцинея Ф. Сологуба / Н. П. Утехин // Сологуб Ф. Мелкий бес. – М.: Сов. Россия, 1991. – С. 3–24.

15. Неизданный Федор Сологуб : Стихи. Документы. Мемуары / [под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова]. – М.: Новое лит. обозрение, 1997. – 576 с.

*Voronezh State University
Bobritskikh L.Y., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Literature Department
E-mail: kafruslit@gmail.com*

*Goreva D.V., Candidate of Philology
E-mail: sapina@mail.ru*